

Рифмы смыслов

Что можно написать о Ванталове-Констрикторе, чего он сам о себе, о своих текстах, о своих изображениях не сказал? Причём внятно, несмотря на проповедь бессмыслицы. Неизбежно получится компиляция из цитат, прямых и скрытых. Потонет в водовороте его речей.

Придётся ввести что-то, им отвергаемое. Не в порядке критики, но чтобы сколько-нибудь обоснуйтесь. Хотя бы разграничения и связность. «Прочь все грани и межи» — цитирует он Сыкун Ту, китайского поэта эпохи династии Тан.

В анализе продукции художника обычно разделяют форму и содержание. Форму Ванталов-Констриктор тоже отвергает, вместо формы — метод. Тут есть генеалогия: все анархические и экспериментальные течения. Футуристы с их потоком сознания, дадаисты с художественным автоматизмом и эксплуатацией случайности, за ними сюрреалисты, разработавшие теорию автоматического письма. По Андре Бретону, это «бесцельное движение слов», «диктовка мысли без всякого контроля разума, вне всяких эстетических или моральных ограничений». Хотя Ванталов-Констриктор пишет, что не дочитал до конца манифест Бретона. И собственные опыты автоматического письма к нему не расположили. Он не следует бретоновским инструкциям, не настраивает себя, не вводит в транс. Его письмо не требует особого состояния, напряжения и усилий, оно, напротив, естественное, лёгкое, всё происходит само. Совпадает с автоматическим письмом исключение замысла, непредсказуемость результата и требование взглянуть на своё «я» как на нечто постороннее, способное лишь ловить и созерцать сигналы подсознания. Самоотстранение — один из лейтмотивов Вантарова-Констриктора. Есть тексты, в которых «я» берётся в кавычки. Превращается то в «ы», то в «оно».

Что до содержания — затронутых проблем и обсуждаемых явлений, — оно неохватно. Поскольку замысел исключён, то импульсом к писанию становится само желание писать, плюс чужие тексты, на равных правах входящие в текст Вантарова-Констриктора. Так что темой и героем становится что угодно, от Вселенной до молекул, образующих тело, от реалистически изложенных «случаев» из жизни до сюрреалистически-обэриутских фантазмов. Но главная тема, главный персонаж — само мышление. Мышление о собственном мышлении.

Фигурируют предельно общие понятия: универсум, вечность, ничто — так что тексты Вантарова-Констриктора можно отнести к философским. В своём философствовании он не строит системы, не ищет законов. Ничего не ищет, но находит — странные сближения и созвучия. «Соитие формул». «Рифмы смыслов». «Рифмы явлений». «Рифмы судьбы». Бессвязные вещи сплетаются в некий ментальный узор. Мистика фигурирует не как проявление сверхъестественного, а как манифестация непостижимых связей. Связи обнаруживают себя и в языке — в постоянных каламбурах, в сближении-сопоставлении смыслов слов, близких по своему морфологическому составу и звучанию. Во вспышках метафор. Вот тут-то и притаилась отринутая дадаистами эстетика.

Неожиданы не мысли — практически невозможно высказать новую общую мысль — а отношение к мыслям как к неким поэтическим сущностям и отдельным существам: действительно, мысль к нам именно «приходит» откуда-то. Автор в движении мысли видит ритм, ветер, «ментальный балет». «Кривая дуновений мысли». «Эхо колебания внутри паутины мысли».

И так же поэтическими героями писаний, предметом воспевания и мудрствования становятся первоэлементы изображения — пятно, точка, линия. Предельные обобщения, пафос: «мир есть пятно».

И так же философски толкуются методы изображения: в рисовании поверх чего-либо художник видит аналог времени — одно накладывается на другое и перекрывает. Таков излюбленный дадаистами и Вандаловым-Конструктором коллаж, соединяющий чужеродное. Рисование поверх существующего изображения порождает столь им необходимую случайность. Если в текстах Вандалова-Конструктора своё и чужое рядоположено (хотя иногда он заменяет слова в чужих стихах), то в изображениях чужое он использует как основу, оставляя фрагмент или сплошь закрашивая. И если в текстах он цитирует то, что его заинтересовало и представляет ценность, то рисует поверх всего, что ему не жалко. Всякий печатный хлам. В свой текст может вставить фрагмент из Платонова, но рисунок не помещает поверх репродукции великого художника.

Как и в текстах, в изображениях Вандалова-Конструктора важна не форма, а метод, техники. Техники опять же сюрреалистические и дадаистские: фrottаж — натирание, создающее фактуры без участия художника, фюмаж — копчение, задымление — использует следы, оставляемые на бумаге копотью или дымом горящей спички. Разные туши, акварель — техники, позволяющие свободно растекаться краске. Обычно художники, использовавшие стихийно возникшую красочную субстанцию, вырабатывают свои приёмы, случайностью в некоторой степени управляющие: так Михнов изобрёл специальный стол, дававший возможность менять скорость разлива краски. Вандалов-Конструктор не пытается в случайность вмешаться, он ищет в ней намёк на образ, который чуть подчёркивает карандашом. Образ должен оставаться смутным, но всё же нужен, ибо он — человек литературоцентричный, а литератор не может принять чистую визуальность, лишённую значения.

Случайность как сердцевина метода берётся извне или изнутри — из стихии ментальных процессов, в этом случае всё же нужен сознательный спусковой крючок. Рисунки в книге относятся к «спиральной манере»: они начинаются со спирали, а потом — «как поведёт рука». Рука движется, не отрываясь от бумаги. В пустоте белого листа возникает нечто антропоморфное. Пропорции нарушены, части тела сокращены, смешены и комбинируются на все лады. Множественность вариантов соотношения размеров органов напоминает неисчерпаемые причуды живой природы. Что почти неизменно, так это огромная голова, ибо для Вандалова-Конструктора человек есть мозг. Огромный, как у осьминога или лангуста. И, как у осьминога, голова может обходиться без туловища, довольствуясь конечностями.

В книге текст наполняет эти отвлечённые рисунки конкретным смыслом. Они воспринимаются как подпись или автопортрет. А рисунок присоединяет к тексту то непередаваемо интимно-личное, что содержится и ощущается в движении тонкой линии — как в почерке, как в голосе человека. Линия, производимая рукой, как будто более податлива внутренней музыке, чем слово. Тут и таится индивидуальность, от которой Вандалов-Конструктор откращивается.

Сpirаль — ёмкий символ, он придаёт рисункам философичность. Художник увидел в ней всеохватность — общее для живого и неживого. В форме спирали — галактики и ДНК, вихри-смерчи и водовороты. Свёртывающийся мир, вращение как вечное возвращение, круговорот бытия, а может и запутанный клубок мыслей. Он полагает, что мозг имеет форму улитки-спирали.

В спирали, пишет Кандинский, сила, действующая изнутри, превосходит внешнюю. Это метафора творчества Вандалова-Конструктора.

Жанр своих изображений художник охарактеризовал как «метафизический комикс». То есть соединение метафизики с примитивизмом. Как положено в авангардных течениях, его рисование проистекает не из культуры. Оно само породило себя. Живопись как искусство его мало интересует. Бесчисленны писатели, им цитируемые и упоминаемые, но не встретилось мне имён

художников, кроме Малевича, да и тот в качестве автора-мыслителя. На бумаге возникают видения — главным образом человекообразные фигуры. Толковать их — как разгадывать сны. Изредка фигур две, обращённых друг к другу. Иногда — одна с двумя головами. Две головы на теле-гусенице соединяются, как мост над бездной. Встреча: «со-бытие, со-итие, со-гласие». И тогда изображение становится трогательным. Тут, в противоположность метафизическому холоду, веет теплом.

Дух познаёт, душа любит. Дух летает, душа прикована к любимым. Которые реальны даже в своём отсутствии.

В этой книге, где Ванталов-Конструктор много пишет о тех, кого любит, его «я» остается незакавыченным. Там, где он пишет о любви, он перестаёт сомневаться в своём существовании.

И я не сомневаюсь в том, что Ванталов-Конструктор существует. Сколько бы он ни доказывал обратное.

Я не во всём верю ему на слово. Он заявляет, что ему не свойственна ностальгия. Я её чувствую: его ностальгию по архаике авангарда. Это футуристическое правило — постоянно сбивать читателя-зрителя с толку. Чтобы он отказался от оков стереотипного мышления и заодно — от рассудка.

Можно ли адекватно воспринимать Вантарова-Конструктора, не выключив разум?

Художник может быть невменяем. А критик? Или его не должно быть? Никто не должен мешать читателю... стать тем, к кому обращён автор. Только так можно усвоить его опыт.

Любовь Гуревич